

один человек мог обработать в течение одного дня) и экономическую производительность труда (площадь земли в действительности обработанная одним человеком).

Однако нельзя и преувеличивать значение сведений римских писателей-агрономов о нормах выработки рабов. Дело в том, что многие нормы касаются лишь некоторых и притом второстепенных работ. К тому же не все эти нормы относятся в точности к рабам, особенно это касается данных Колумеллы. Докладчик полагает, что для анализа производительности рабского труда наиболее важны данные Катона и Сазерны, тогда как сведения Варрона и Колумеллы имеют меньшее значение, поскольку они копируют данные Сазерны, к тому же многие сведения Колумеллы трудно отнести с определенностью к рабскому или свободному труду.

Наилучший метод изучения производительности рабского труда состоит в реконструкции точки зрения древних на связанные с ней проблемы. В целом они считают, что рабский труд не отличался высокой производительностью и прежде всего это относится к закованным рабам. Докладчик обращает внимание на попытки рабовладельцев заинтересовать рабов в результатах своего труда, на использование таких факторов повышения производительности рабского труда как его кооперация и специализация. Сокращение притока рабов в начале Империи заставляло рабовладельцев повышать технический уровень своих хозяйств, экономить труд рабов за счет некоторого повышения его производительности. В заключение своего сообщения докладчик обращает внимание на множественность факторов, определявших производительность рабского труда.

И. Бежуньска-Маловист (Варшавский ун-т, ПНР) сделала сообщение «Рабский труд в сельском хозяйстве Египта римской эпохи». В эллинистическую эпоху, говорит докладчик, рабство не было распространено в сельском хозяйстве Египта, и лишь в римскую эпоху положение несколько изменилось. Образование *obscia*, а затем и мелкой частной собственности значительно расширило применение рабского труда в сельском хозяйстве, о чем свидетельствуют многочисленные данные. Однако, к сожалению, у нас очень мало сведений о роде деятельности упоминающихся в документах рабов и о производительности их труда. К тому же трудно провести четкую границу между рабами и свободными работниками. Тем не менее создается впечатление, что рабский труд был не менее квалифицированным, чем труд свободных, и достаточно выгодным. Производительность рабского труда была, видимо, не ниже общего уровня.

Э. Бикерман (Колумбийский ун-т, США) в своем сообщении «Гракхи и рабство в Италии» рассматривает рабство с экономической точки зрения и обращает внимание на известную дороговизну рабского труда, связанную с покупкой и содержанием раба, даже не работающего. В связи с этим, подчеркивает он, рабовладелец должен был рационально организовать рабский труд, чтобы он приносил доход. Распространение рабства в Италии II—I вв. до н. э. показывает, что оно было выгодным. Его внедрение было связано с происшедшей в начале II в. до н. э. в Италии агрикультурной революцией. Основной причиной этой революции докладчик считает изменение питания населения: прежде всего введение в повседневный рацион пшеничного хлеба, мяса, оливкового масла, вина. Это толкало вперед итальянское сельское хозяйство, в частности, способствовало развитию культуры пшеницы, виноградарству, оливководству, скотоводству. А эти отрасли сельского хозяйства нуждались в приложении значительно большего труда, чем могло дать свободное сельское население, требовали дополнительных рабочих рук, которые и поставляли рабы, функционально соответствовавшие современному пролетариату. Распространение рабства, таким образом, способствовало в то время развитию сельского хозяйства и общества Италии. Поэтому попытки Гракхов затормозить проникновение рабства в римскую деревню и восстановить мелкое крестьянское землевладение, более отсталое, чем основанное на рабском труде, должно рассматриваться как недальновидные усилия повернуть назад общее движение Италии.

В связи с тем, что часть вечернего заседания была посвящена дискуссии по докладу Ж. Каллю, а также в связи с обилием сообщений, осталось очень мало времени для

дискуссии по докладу В. П. Кузичина. В прениях успели выступить лишь два члена конгресса — *Р. Мартен* (Франция) и *И. Ф. Физман* (СССР).

Важные для истории древности проблемы затрагивались и в ходе работы других секций. В этой связи надо отметить прежде всего V секцию «Историческая эволюция форм феодальной собственности» (руководитель-организатор *З. В. Удальцова* — Ин-т всеобщей истории АН СССР, Москва) и прежде всего доклад *А. Р. Корсунского* (МГУ, СССР) «Раннефеодальное государство и формирование феодальной собственности в Западной Европе». В этой же секции обсуждалась столь интересная проблема как «Особенности разложения докапиталистических форм собственности в Азии». Ей были посвящены сообщения *Х. К. Такагаси* и *Каиширо Оиси* — Токио, Япония), *Х. Р. Райта* (ун-т Макгилла, Канада), *Г. Г. Котовского* (Ин-т востоковедения, Москва).

Из докладов и сообщений VI секции «Сухопутные торговые сношения между Европой и Азией. (До возникновения железнодорожного сообщения)» (руководитель-организатор *Г. Келленбенц*, ун-т в Кельне, ФРГ) следует отметить представляющие интерес для истории древности и средних веков сообщения *О. Д. Лордкипанидзе* и *Д. Л. Мухелишвили* (Тбилиси, СССР) «Закавказье в международной торговле Востока и Запада с древнейших времен до XIX в.» и *С. Т. Еремяна* (Ереван, СССР) «Роль Армении и армянского купечества в развитии торговли между Европой и Азией с древнейших времен до XIX в.»

Большой теоретический интерес представляли многие вопросы, обсуждавшиеся на заседаниях VIII и IX секций: «Модернизация экономической и социальной структуры в условиях многоукладной экономики» (руководитель-организатор *П. Вилар* — Сорбонна, Париж) и «Методология и методика исследования историко-экономических явлений» (руководитель-организатор *К. Гламан*, Ин-т экономической истории. Копенгаген).

На пленарном заседании 14 августа руководители секций выступили с отчетами, в которых они подвели итоги работы секций, отметили высокий уровень организации конгресса, большое научное значение докладов и сообщений.

Работа конгресса проходила при самом активном участии ученых Советского Союза и социалистических стран.

Во время работы конгресса состоялось заседание Генеральной Ассамблеи Международной ассоциации экономической истории, на котором были проведены выборы руководящих органов Ассоциации и принято решение о времени и месте проведения следующего VI Международного конгресса экономической истории. Президентом Международной Ассоциации экономической истории был избран представитель Дании, профессор Института экономической истории в Копенгагене *К. Гламан*, вице-президентом Ассоциации — представитель СССР член-корреспондент АН СССР *В. А. Виноградов*, Генеральным секретарем Ассоциации вновь был избран профессор политехнической федеральной школы в Цюрихе (Швейцария) *Жан-Франсуа Бержье*. В состав Бюро Ассоциации вошел также советский представитель *Г. Г. Котовский* (Ин-т востоковедения АН СССР, Москва). Следующий VI Международный конгресс экономической истории было решено создать в 1974 г. в Копенгагене.

В. И. Кузичин

НАУЧНАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ ПАМЯТИ Б. В. ФАРМАКОВСКОГО

25—28 января 1971 г. в Ленинграде состоялась организованная Институтом археологии АН СССР, Ленинградским отделением ИА АН СССР и Государственным Эрмитажем научная конференция, посвященная художественной культуре и археологии античного мира в связи со 100-летием со дня рождения выдающегося русского и советского археолога и историка античного искусства Бориса Владимировича Фармаковского (1870—1928). В работе конференции приняли участие антиковеды Ленинграда, Москвы, Киева, Тбилиси, Одессы, Николаева, Севастополя, Батуми,

Керчи, Краснодара, Анапы, Ивано-Франковска — представители более 25 научно-исследовательских институтов АН СССР, АН УССР, АН ГрузССР, университетов, музеев и пединститутов.

Конференцию открыл академик Б. Б. Пиотровский, отметивший во вступительном слове значение Б. В. Фармаковского как крупнейшего авторитета в области изучения культуры античного мира и руководителя замечательных раскопок Ольвии. Охарактеризовав основные периоды научной деятельности Б. В. Фармаковского, Б. Б. Пиотровский подчеркнул его большую роль как одного из организаторов советской археологической науки после Великой Октябрьской социалистической революции, как воспитателя и учителя молодых советских археологов, многие из которых успешно трудятся и по сей день. Были оглашены приветствия М. К. Каргера и В. Д. Блаватского, которые из-за болезни не смогли присутствовать на конференции.

Различным сторонам жизни и научной деятельности Б. В. Фармаковского были посвящены доклады М. М. Кобылиной, А. Н. Карасева и Т. И. Фармаковской.

В докладе «Б. В. Фармаковский и античная художественная культура» М. М. Кобылина осветила разносторонний и многогранный вклад ученого в изучение истории античного искусства от «героической» эпохи до римского времени — скульптуры, монументальной и вазовой живописи, архитектуры, торевтики, глиптики и пр. Наибольшее внимание Б. В. Фармаковский уделил архаическому ионийскому и классическому аттическому искусству. Он установил тесную связь образов ионийского искусства с наследием народов Малой Азии и древними культами, раскрыл глубокое общественно-политическое содержание произведений высокой классики V в. до н. э. и ярко охарактеризовал их стилистические черты. Б. В. Фармаковский первым выделил в искусстве античности искусство юга России и поставил здесь целый ряд вопросов, актуальность которых с особой силой проявляется в наши дни в связи с постоянным обогащением науки новыми материалами из античного Причерноморья. Как подчеркнула М. М. Кобылина, изучение исследований Б. В. Фармаковского — его книг, статей и даже мелких заметок — всегда останется настоящей школой для историков античного искусства.

В докладе «Б. В. Фармаковский и Ольвия» А. Н. Карасев обрисовал многолетние плодотворные раскопки ученым ольвийского городища и некрополя. Б. В. Фармаковский создал свой метод археологического исследования города, который до него не применялся. Б. В. Фармаковский приступил в 1902 г. к систематическому полевому исследованию Ольвии (раскопки некрополя были им начаты еще в 1896 г.). В первый период (1902—1908 гг.) основной задачей раскопок было точное определение границ города и выявление специфических особенностей отдельных районов Верхнего города. В 1909—1914 гг. все усилия были сосредоточены на систематическом раскрытии большого участка в южной части Нижнего города. Одновременно с раскопками города, с 1902 по 1915 г. Б. В. Фармаковский продолжал работы на некрополе Ольвии, давшие огромный материал, обогативший многие музейные собрания России. После длительного перерыва, вызванного первой мировой и Гражданской войнами, Б. В. Фармаковский возобновил раскопки Ольвии в 1924 г. и в течение трех лет продолжал исследования в различных частях Верхнего города. Как отметил докладчик, метод планомерных археологических работ Б. В. Фармаковского, его ежегодные отчеты о раскопках являются образцом служения науке.

В докладе Т. И. Фармаковской «Детство, юность, университетские годы Бориса Владимировича Фармаковского» на основании малоизвестного архивного материала были освещены интересные страницы биографии Б. В. Фармаковского и его семьи.

Помимо названных выше докладов мемориального характера на заседаниях конференции было заслушано и обсуждено 19 докладов и сообщений, посвященных различным проблемам, группам материала или отдельным памятникам античной археологии и искусства.

Большая группа докладов была связана с ольвийской тематикой.

Доклад Е. И. Леви и А. Н. Карасева «Итоги исследования Ольвии после Б. В. Фармаковского» явился яркой летописью ольвийских раскопок на протяжении последних

сорока с лишним лет. Прекрасно иллюстрированный, он дал четкое представление о тех больших успехах в изучении Ольвии, которые достигнуты коллективом ленинградских и украинских археологов — учеников и последователей Б. В. Фармаковского. Особый интерес среди этих работ представляют послевоенные раскопки ольвийского теменоса и агоры. Исследования Ольвии с 1927 по 1970 г. подкрепили общие выводы Б. В. Фармаковского по стратиграфии и истории города. Вместе с тем они позволили более полно воссоздать облик города и существенно расширили представление об истории и культуре Ольвии с VI в. до н. э. до III—IV вв. н. э.

И. К. Значко-Яворский в своем выступлении обратил внимание на плодотворность комплексного изучения Ольвии, в котором помимо археологов, историков, искусствоведов участвуют и технологи. В частности он отметил большое практическое значение изучения водостойких растворов из раскопок Ольвии.

Большой интерес вызвал доклад *Л. В. Копейкиной* «Арханческая Ольвия» — об итогах археологического исследования арханческих слоев ольвийского городища. Анализ родосско-понийской керамики из Ольвии приводит, по ее мнению, к выводу, что хронология этой керамики подтверждает предположение об основании города на рубеже VII—VI вв. до н. э. Внимательное исследование и сопоставление арханческих комплексов из различных районов Ольвии позволили докладчику нарисовать довольно ясную картину последовательности заселения ольвийской территории и интенсивности жизни на отдельных ее участках в VI в. до н. э.

Л. М. Славин и *С. Д. Крыжицкий* в докладе «Итоги исследования городских кварталов в районе ольвийской агоры и раскопки хоры Ольвии» подытожили результаты многолетних и плодотворных работ киевских археологов. Большое внимание в докладе было уделено вопросам планировки Ольвии, а также реконструкции отдельных строительных комплексов.

В прениях по этим докладам выступили *Н. И. Сокольский* и *А. Н. Карасев*, которые отметили большую важность поставленных проблем и плодотворность их решения, но вместе с тем высказали известные сомнения в убедительности предложенных *С. Д. Крыжицким* реконструкций, которые не были подкреплены достаточным графическим материалом.

В докладе *Ю. И. Козуб* «Древнейший культовый комплекс Ольвии» были подведены некоторые итоги исследования ольвийской территории extra muros — к западу от Заячьей балки. Как показали раскопки последних лет, здесь, в непосредственной близости от городища Ольвии в конце VI—V вв. до н. э. существовал жилой район. Наиболее ранним в нем является культовое сооружение оригинального типа. Как полагает автор, исследованное ею сооружение представляет собой одно из наиболее ранних святилищ хтонических божеств не только в Ольвии, но и во всем Северном Причерноморье.

Ряд докладов был посвящен отдельным группам материала и индивидуальным памятникам, происходящим из раскопок Ольвии.

Большой интерес и оживленное обсуждение вызвал доклад *А. П. Чубовой* и *М. М. Леснической* «„Курios“ из Ольвии», в котором была предложена первая попытка датировки и интерпретации редчайшего не только для Ольвии, но и для античных городов вообще, памятника скульптуры, найденного в Ольвии в 1969 г. экспедицией ЛОИА при раскопках гимнасия. Он представляет собой полуфигуру юноши, которая была частью монументальной статуи, достигавшей почти натурального человеческого роста. Характер памятника, представляющего обнаженно-го юношу с широкими плечами и узкой талией, с длинными волосами, откинутыми на спину, позволяет причислить его к типу курiosов. Как отметили докладчики, трактовка ольвийского памятника настолько своеобразна и оригинальна, что прямых или очень близких аналогий ему найти не удалось. Некоторые особенности трактовки лица роднят ольвийский курios с ранней аттической скульптурой, в трактовке же торса прослеживаются традиции понийской школы. На основании аналогий, учитывая, что в ольвийском памятнике есть черты, свойственные уже позднеархаическим курiosам, *А. П. Чубова* и *М. М. Лесническая* датируют его концом VI в. до н. э. Что касается

стилистической трактовки ольвийского куроса, то, по мнению авторов доклада, — это произведение местного мастера, не обладавшего высоким профессионализмом и опиравшегося в своей работе на аттические и ионийские образцы. Поскольку в Ольвии еще во второй половине VI в. до н. э. почитали Аполлона Дельфиния, напрашивается вывод, что статуя ольвийского куроса могла изображать Аполлона. В заключение докладчики высказали мнение, что ольвийский курос можно рассматривать как самостоятельный вариант в общем русле развития греческой скульптуры VI в. до н. э.

Открывший обсуждение доклада *П. Н. Шульц* высказал ряд сомнений. Прежде всего он не вполне согласился с датировкой памятника, предложенной авторами. По его мнению, скульптура была изваяна скорее в первой четверти V в. до н. э., в пользу чего свидетельствует последовательно проведенная в ней асимметрия, вступающая в противоречие с традиционным общим композиционным построением фигуры, свойственным скульптурным памятником архаики. Возникает также вопрос, не был ли памятник частично подправлен в более позднее время: и трактовка лица, и некоторые другие детали («вырез» на груди) настолько не отвечают традиционной трактовке архаического куроса, что возникает предположение о переработке поверхности скульптуры в последующее время, когда памятник был установлен в гимнасии (конец V — начало IV в. до н. э.). *М. М. Кобылина* отметила, что лицо ольвийского куроса совершенно не созвучно торсу и не находит себе аналогий среди памятников того времени, каким *А. П. Чубова* и *М. М. Лесническая* предлагают датировать ольвийскую скульптуру. Поэтому необходимо продолжать работу над памятником и подобрать более убедительные доказательства предложенной даты. *К. С. Горбунова* присоединилась к высказанному *П. Н. Шульцем* предположению, что первоначально статуя была задумана как обнаженная, при последующей же доработке ее решили «одеть», в пользу чего говорит вырез на груди, которой едва ли можно толковать как условное изображение ключиц.

К. И. Зайцева в докладе «Ольвийская расписная эллинистическая керамика» обратила внимание на группу сосудов с полихромной или монохромной росписью, которые изготовлялись в Ольвии с конца IV до первой половины II в. до н. э., достигнув наивысшего расцвета в III в. Докладчик выделяет отличительные черты и своеобразие этой группы керамики и приходит к выводу, что сравнение ее с аналогичными сосудами из других античных городов показывает тесную связь ольвийских рисовальщиков с античными традициями и большое их исполнительское мастерство. Наиболее своеобразными формами ольвийских расписных сосудов были курильницы и амфоры на несоединенных с сосудом подставках, изготовлявшиеся специально для погребальных целей.

М. М. Кобылина отметила, что доклад *К. И. Зайцевой* представляет значительный интерес, но та его часть, где проводится сопоставление с вазами Пантикапея, требует, по ее мнению, доработки.

В докладе *Д. С. Герцигер* «Фигурные сосуды Ольвии первых веков н. э.» была сделана попытка определить время и место изготовления четырех ольвийских фигурных сосудов (всего в настоящее время известно не менее 40 таких сосудов, которые до сих пор не привлекли должного внимания исследователей). Изучение этой небольшой группы позволило автору высказать предположение о существовании местного производства в городах Северного Причерноморья, а также указать на те области античного мира, из которых эти сосуды поступали в Ольвию (Малая Азия и Египет).

Доклад *Н. П. Сорокиной* «Стеклянные сосуды III—IV вв. н. э. из Ольвии» был посвящен рассмотрению одной из малопозученных до сих пор категорий ольвийского археологического материала. Анализ форм, качества стекла и орнамента сосудов позволяют отнести один из них к кругу западноримского стеклоделания, другие — связать с восточносредиземноморскими. Исследование стеклянных сосудов III—IV вв. из Ольвии, как указывает докладчик, свидетельствует о том, что Ольвия в этот период продолжала еще оставаться торгово-ремесленным центром, через который племена

черняховской культуры осуществляли связи с южными странами Причерноморья и Средиземноморья.

П. О. Карышковский выступил с докладом «Ольвийская коллегия Семи и ее монеты», в котором были рассмотрены вопросы денежного обращения в Ольвии в период денежного кризиса второй половины — конца III в. до н. э. Докладчик приходит к выводу, что временный переход ответственности за выпуск монеты в это время в руки коллегии Семи, ведавшей священной казной, не был случайным явлением, а был вызван необходимостью обеспечить новый курс меди не только авторитетом представляемого коллегией Семи божества, но, по всей вероятности, и остатками храмовых сокровищ.

С ольвийской тематикой тесно связаны были два доклада, посвященные находкам с о-ва Березань.

К. С. Горбунова в докладе «Аттическая чернофигурная керамика VI в. до н. э. на Березани» обратила особое внимание на новые находки чернофигурной керамики первой половины VI в., среди которых имеются фрагменты сосудов последователей Софила и чаши Спана (вторая четверть VI в.). Керамика третьей четверти VI в. особенно интересна богатством и разнообразием. Среди находок последних лет многочисленны произведения таких ярких аттических мастеров мелкофигурных клинков, как Тлессон, сын Неарха и других, а также произведения круга Экзеккиа. Еще более многочислен материал последней четверти VI в. Тщательное изучение обширного материала чернофигурной керамики свидетельствует о проникновении на Березань высокохудожественных произведений аттических керамистов на протяжении всего VI в.

Доклад *Ю. Г. Виноградова* «Древнейшее греческое письмо с острова Березань» был посвящен прочтению, анализу и интерпретации интереснейшей находки 1970 г. — уникального письма на свинцовой пластине. Содержание письма проливает яркий свет на социально-экономические отношения греческого общества архаической эпохи. Оно позволяет прийти к заключению о высоком уровне развития и дифференцированности экономических отношений этого времени и лишний раз свидетельствует о том, какую большую роль играла морская торговля в раннегреческой экономике. До сих пор подобными сведениями мы располагали преимущественно лишь для IV в. до н. э. и более позднего времени. Новонайденный документ имеет важное значение для суждений о тесных экономических и политических взаимоотношениях Ольвии и Березани в VI в. до н. э.

Несколько докладов, вызвавших большой интерес, было посвящено художественной культуре местных народностей Северного Причерноморья.

В настоящее время известно уже более сорока скифских каменных изваяний и несколько десятков антропоморфных стел сарматского круга. Этот интересный и важный материал осмыслен в докладе *П. Н. Шульца* «Скифские изваяния и сарматские антропоморфные стелы». Автор подразделил изваяния скифского типа на ряд локальных групп, имеющих свои особенности: изваяния Добруджи (3), Молдавии (1), Буго-Днестровского бассейна (15), Донецка и Северного Приазовья (5), Нижнего Дона (4), Прикубанья (5), Северного Кавказа (3) и Крыма (6). Эти изваяния представлены для всех периодов исторического развития Скифии (VI—III вв. до н. э.). Генезис скифских изваяний еще не выяснен. Возможно, полагает докладчик, что исходным моментом их формирования могли послужить предскифские антропоморфные стелы конца эпохи бронзы и начала железа. Изваяния архаической Скифии возникают как изображения вооруженного героя-родоначальника, для них характерна фалличность. Позднее в изваяниях появляются изображения военачальников, а еще позже — элементы портретности. Основным критерием датировки являются типы акинаков, изображенных на памятниках. Изваяния, как полагает автор, были связаны с заупокойным культом по преимуществу кочевого населения Скифии.

От скифских изваяний резко отличаются более примитивные сарматские антропоморфные стелы (IV в. до н. э. — IV в. н. э.), получающие окончательное оформление в районах, где сарматы соприкасались с городами Боспора, Херсонесом, Ольвией

и поздними скифами, и по своему стилевому облику составляющие органическое звено позднесарматского искусства Северного Причерноморья первых веков нашей эры. Сопоставление скифских изваяний и сарматских стел, как указал докладчик, раскрывает всю глубину несходства художественных культур этих двух соседних степных народов, имевших различную историческую судьбу и различный уровень культурного и общественного развития.

Отвечая на вопросы, *П. Н. Шульц* не согласился с известным уже мнением Н. И. Сокольского, считающего, что толчком к появлению скифских изваяний послужила греческая скульптура. В поздних группах этих изваяний признаки влияния античной скульптуры действительно очень велики, но в ранней сказывается влияние древневосточной скульптуры Малой и Передней Азии. Фактов, могущих подтвердить положение Н. И. Сокольского, по мнению *П. Н. Шульца*, нет. Выступившая в прениях *А. И. Воиновича* подчеркнула значение доклада, как полного свода скифской скульптуры. Она отметила, что датировки, предложенные *П. Н. Шульцем*, очень убедительны. Гипотеза же о генезисе скифских изваяний, по мнению *А. И. Воиновича*, не выглядит убедительной. *М. М. Кобылина* отметила особую ценность того, что в докладе показано территориальное распространение скифских изваяний.

Доклад *Н. И. Сокольского* «Вопросы синдской скульптуры» был посвящен группе боспорских скульптурных памятников, характерных в основном для Таманского полуострова и определяемых автором как памятники, связанные с коренным населением этого района в античную эпоху — синдами. Синдская скульптура объединяет в настоящее время в основном надгробные памятники в виде статуй-полуфигур и рельефных надгробий, в которых отражены этнографические черты синдов и заметно стремление к индивидуально-портретному изображению. На развитие синдской скульптуры, как отметил *Н. И. Сокольский*, сильное воздействие оказала греческая; скульптурные памятники указывают также на сильную эллинизацию синдов. Выделенные в качестве синдской скульптуры памятники относятся в основном к эллинистической эпохе (IV—II вв. до н. э.). Значительное своеобразие представляет синдская надгробная скульптура из района Горгишии — главного синдского центра на протяжении всего античного периода. Особого внимания здесь заслуживает группа надгробных рельефов, в которых ярко отражены своеобразные черты этнографического типа. Горгишийские рельефы делятся на две хронологические и стилистические группы: позднеэллинистического времени и I—II вв. н. э.

П. Н. Шульц отметил важность проводимой Н. И. Сокольским работы по выделению локальных групп скульптуры Боспора. *Н. Л. Грач* высказала мнение, что статуи-полуфигуры были принесены в азиатскую часть Боспора из Малой Азии. Подобные статуи имеются в Оттоманском музее в Стамбуле. *Н. Л. Грач* считает, что не все статуи-полуфигуры можно связывать с синдами — они изображают представителей различных этнических групп. В этой связи интересно также отметить, что такие статуи находят преимущественно в городских некрополях, где было сильным эллинистическое влияние. Труднообъяснимо и сосуществование у синдов разнотипных изображений. По мнению *Н. Л. Грач*, ряд построений Н. И. Сокольского требует более осторожного подхода. *М. М. Кобылина* считает, что греческого влияния на возникновение синдской скульптуры могло и не быть. Указав на то, что «статуи-полуфигуры» на самом деле часто представляют собой поколенные изображения, она полагает, что подобные изображения могли возникнуть в варваризованной среде, когда массы варваров проникли в греческие города.

В докладе *Н. А. Онайко* «Об антропоморфных изображениях в меото-скифской торевтике» был рассмотрен вопрос о происхождении найденных в скифских курганах шедевров торевтики, которые она считает в основной массе боспорскими. *Н. А. Онайко* указала на то, что в изделиях торевтики, издревле занимавшей в искусстве северо-черноморских племен ведущее место, изображение человека появилось только в IV в. до н. э. Докладчик выделяет в приднепровской и прикубанской торевтике этого времени небольшую группу предметов с антропоморфными изображениями, которые она считает изделиями местных племен. Среди них изделия из бронзы выполнены в меото-

скифском зверином стиле, золотые же — по сложности композиции, а также по ряду других признаков — стоят ближе к украшениям, изготовленным в мастерских боспорских торевтов. Докладчик полагает, что в создании образов, олицетворяющих греко-варварские божества и героизированных умерших, большую роль сыграли синдо-меотские племена. По содержанию эти образы греко-меото-скифские, по композиции — греко-меотские.

По мнению *С. И. Капошиной*, в докладе не были достаточно четко определены признаки, отличающие синдо-меотскую торевтику. Она считает, что изделия торевтики изготавливались в целом ряде северопонтийских центров, а не только на Боспоре, и что в этом плане особенно нужно считаться с Ольвией. В 1969 г. там были найдены обломки формы, в которой, вероятно, отливалась бронзовая матрица для изготовления золотых украшений. По этим обломкам можно судить, что изображение представляло собой классическую сцену терзания оленей львами. Возможно, что это часть роскошного горита. *С. И. Капошина* полагает, что вопрос о торевтике следует ставить в более широком плане. *Л. Ф. Силантьева* отметила, что в докладе хорошо сопоставлены ряды изменений того или иного мотива в предметах торевтики, но автор, видимо, излишне увлекся, говоря о длительном употреблении одного штампа для изготовления разных вариантов одного и того же мотива. Нельзя умалять значения индивидуальных особенностей мастеров и хронологических изменений мотивов. Отвечая на выступление *С. И. Капошиной*, *Н. А. Онайко* утверждала, что роль Ольвии в изготовлении предметов торевтики была незначительной по сравнению с Боспором и находка формы 1969 г. в этом отношении ничего не меняет.

Несколько сообщений было посвящено отдельным археологическим находкам или произведениям искусства.

А. П. Манцевич посвятила свой доклад «Амфоры из кургана Солоха» попытке локализации амфор так называемого типа Солоха II, которые в свое время *Б. Н. Граков* предположительно отнес к продукции Византии. На основании сопоставления указанных амфор, имеющих на ручках клейма в виде вдавленных колечек и буквенные знаки красной краской, с аналогичными находками из Олинфа, а также предположения, что керамическое производство на Халкидике, и в частности Олинфе, было широко развито и прославленные винодельческие центры Терона и Менда должны были использовать местную тару, *А. П. Манцевич* делает вывод, что амфоры типа Солоха II, так же как и типа Солоха I, представляют собой импорт с Халкидики. *А. П. Манцевич* утверждает также, что на широкие связи Северного Причерноморья с Халкидикой в IV в. до н. э. указывают не только амфоры из Солохи, но и роскошные образцы керамических изделий из северочерноморских находок, такие, как фанаторийские вазы, краснофигурные пельки и т. д., имеющие близкие аналогии в Олинфе.

С предложенной докладчиком локализацией амфор не согласился *Б. А. Василенко*, который указал на то, что имеются три разновидности рассматриваемого типа, различающиеся лишь трактовкой ножек, которые выпускались скорее всего под влиянием Хиоса. Известно пять вариантов клейм на этих амфорах, которые имеют некоторые черты сходства с клеймами Хиоса. *Б. А. Василенко* отметил также, что вдавленные колечки на амфорах — это не клейма в обычном понимании, а знаки мастеров для удобства подсчета. Такие знаки имеются на амфорах многих центров. *И. Б. Брашинский* также не согласился с основными положениями доклада. Предположение *Б. Н. Гракова* о византийском происхождении амфор, которое отвергает *А. П. Манцевич*, было основано на том, что на одном из солохинских сосудов сохранилась нанесенная краской буква *бета* византийского варианта коринфско-мегарского алфавита. Докладчик понимает этот знак как *гамму* с четырьмя частями, которая должна обозначать сладкий сорт вина (γλυκός) — такое толкование, считает *И. Б. Брашинский*, натянуто и неприемлемо. Ссылка на находки амфор, аналогичных солохинским, в Олинфе ничего не дает для их локализации, так как подобные амфоры найдены в очень многих пунктах Причерноморья и Средиземноморья, что может свидетельствовать лишь о торговых связях. На Халкидике действительно был центр производства амфор в Менде. Эти амфоры нам хорошо известны, но они не имеют ничего общего с

солохинскими. Что же касается попытки А. П. Манцевич обосновать тезис о широкой торговле Халкидики с североπονтийскими областями ссылкой на аналогичные находки аттической художественной и черняковой керамики, то едва ли она нуждается в развернутой критике. *Н. И. Сокольский* обратил внимание на интерес, который представляют для исследователя знаки, нанесенные краской на амфоры. Один из них, определенно, обозначает сорт сладкого вина. *А. П. Манцевич* не согласилась со своими оппонентами и настаивала на том, что поскольку на Халкидике был центр виноделия, там должно было быть и производство тары для вина.

Сообщение *Н. М. Лосевой* «Две южноиталийские вазы из собрания Гос. Музея изобразительных искусств им. А. С. Пушкина» было посвящено анализу кратера с изображением силенов, играющих с мышью (20-е гг. V в. до н. э.), и очень редкой по технике росписи чернофигурной кампанской вазе из Кум, датируемой 330—320 гг. Обе вазы представляют собой выдающиеся произведения искусства.

О. Д. Лордкипанидзе отметил высокий уровень исследования *Н. М. Лосевой*. «Мраморная головка Афродиты из Горгиппии» — тема сообщения *И. Т. Кругликовой*. Анализ головки, найденной в 1968 г. при раскопках в Анапе, привел автора к выводу, что она является изображением богини, вероятно, Афродиты, культ которой был широко распространен в Горгиппии. Она находит параллели в скульптурах эллинистического времени, выполненных в манере школы Праксителя. Докладчик датирует головку I или самым началом II в. н. э.

О. Д. Лордкипанидзе и *Н. И. Сокольский* согласились с выводами *И. Т. Кругликовой* и отметили важное значение даты памятника в связи с вопросом о культе Афродиты.

В докладе *О. Д. Лордкипанидзе* «Художественная культура Колхиды в V—IV вв. до н. э.» были продемонстрированы и проанализированы замечательные находки из раскопок в Вани (главным образом 1969 г.). Эти находки представляют собой наиболее яркие памятники колхидской художественной культуры и представлены как золотыми и серебряными украшениями, так и бронзовыми и керамическими сосудами. Влияние греческой культуры в Колхиде, весьма слабое в VI—V вв., ощутимо усиливается в IV в. до н. э.

С подведением итогов конференции выступили *Н. И. Сокольский* и *П. Н. Шульц*. *Н. И. Сокольский* отметил, что конференция памяти Б. В. Фармаковского была фактически четвертой всесоюзной конференцией антиковедов (первая состоялась в Москве в 1956 г.). Остановившись на большом значении заслушанных и обсужденных на конференции докладов, среди которых он особо отметил обобщающий доклад *Е. И. Лени* и *А. Н. Карасева*, как бы живой нитью связывающий нас с Б. В. Фармаковским, *Н. И. Сокольский* выразил уверенность в необходимости продолжить традицию проведения подобных представительных научных конференций. *П. Н. Шульц* особо отметил многообразие тематики докладов, сделанных на конференции, что отвечало широте научных интересов Б. В. Фармаковского. Докладчиками был ярко обрисован образ Б. В. Фармаковского как ученого, строго относившегося к науке, умевшего соединять по отношению к ученикам требовательность с большой человеческой доброжелательностью. Прослушанные доклады показали также, что дело, которому служил Б. В. Фармаковский, успешно развивается его учениками и продолжателями. *П. Н. Шульц* также высказал убежденность в необходимости и в дальнейшем периподически собирать широкие тематические конференции.

И. Б. Брашинский

ПРИЛОЖЕНИЕ

Г. А. МЕЛИКИШВИЛИ

УРАРТСКИЕ КЛИНООБРАЗНЫЕ НАДПИСИ. II.

Открытия и публикации 1954—1970 гг.